

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

Уилки
КОЛЛИНЗ

Мертвая комната

МОСКВА
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К60

Wilkie Collins
THE DEAD SECRET

Перевод на русский язык 1858 года
без указания переводчика.

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Коллинз, Уилки.

К60 Мертвая комната : перевод с английского / Уилки Коллинз. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

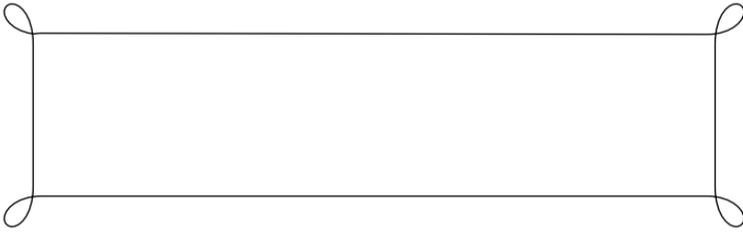
ISBN 978-5-04-199740-3

Хозяйка старого поместья умирает, оставляя предсмертное письмо — в нем она делает роковое признание. Но горничная не решается раскрыть тайну — сразу после кончины своей хозяйки она прячет письмо и бесследно исчезает. Вдовец вместе с маленькой дочкой Розамондой остается один в огромном особняке и даже не подозревает, что в одной из заброшенных комнат давно есть ответ на все его вопросы... Пройдут долгие годы, прежде чем Мертвая комната расстанется со своей страшной тайной. Захватывающая детективная история от Уилки Коллинза, автора «Лунного камня» и «Женщины в белом».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-199740-3

© Издание на русском языке,
оформление. «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА I
23 АВГУСТА 1829 ГОДА

— Как думаешь, она доживет до утра?

— Взгляни на часы, Мэттью.

— Десять минут первого: пережила! Дождалась нового дня.

Эти слова были произнесены на кухне большого сельского дома, на западном берегу Корнуолла. Собеседники были слугами капитана Треввертона, морского офицера и представителя одной из старинных фамилий. Оба говорили шепотом, подсев поближе друг к другу и вопросительно поглядывая на дверь.

— Кошмар, — проговорил старший из них. — Темно, сидим одни и ждем, когда Господь заберет душу нашей хозяйки.

— Роберт, — проговорил другой еле слышно, — ты служишь здесь с детства... Ты слышал, что до замужества она была актрисой?

— Ты почему знаешь? — резко спросил старый слуга.

— Тише! — перебил другой, поспешно встав со стула.

В коридоре прозвенел колокольчик.

— Нас, что ли? — спросил Мэттью.

— Разве не знаешь по звуку, который звенит? — презрительно отвечал Роберт. — Это колокольчик Сары Лисон, погляди в коридоре.

Мэттью взял свечку и повиновался. Отворив кухонную дверь, он увидел на противоположной стене длинный ряд колокольчиков, над каждым из которых черными литерами было написано имя призываемого. Ряд начинался дворецким и буфетчиком, кончался судомойкой и рассыльным.

Поглядев на колокольчики, Мэттью сразу увидел, что один из них еще двигался; над ним было написано: горничная госпожи. Младший слуга пробежал по коридору и постучался в высокую дубовую дверь. Ответа не было: Мэттью открыл дверь и заглянул в комнату — там было темно и пусто.

— Сары нет в кастелянской, — сказал он, возвратившись на кухню к своему товарищу.

— Значит, она в своей комнате, — заметил Роберт. — Пойди наверх и скажи, что хозяйка зовет ее.

Колокольчик опять зазвенел, когда Мэттью выходил из кухни.

— Скорей! Скорей! — крикнул Роберт. — Скажи ей, чтобы поторопилась... зовет! — прибавил он. — Может быть, в последний раз!

Мэттью пробежал три пролета, обогнул арочную галерею со сводами и постучался в еще одну дубовую дверь. На этот раз ему ответили. Он услышал чистый и мягкий голос: «Кто там?» Мэттью поспешно объяснился. Не успел он умолкнуть, как Сара Лисон появилась на пороге со свечой в руке.

Невысокая, не очень красивая, не первой молодости, робкая и всегда одетая безукоризненно просто, горничная госпожи, несмотря на все свои недостатки, была женщиной, на которую невозможно

было взглянуть без удивления. Впервые увидев ее, немногие могли бы удержаться от вопроса: «Кто она такая?» Кто-то удовлетворился бы ответом: горничная миссис Тревертон; немногие удержались бы от поползновения прочесть на ее лице какую-то тайну, и, конечно, уже никто не усомнился бы, что эта женщина прошла когда-то страшную жизненную пытку. В ее осанке, и еще более в ее лице, все как будто говорило жалобно и грустно: «Я обломок того, чем вы некогда любовались. Обломок никем не замеченный, обреченный упасть с гибельного берега в бездну все-сокрушающего времени». Вот что можно было прочесть на лице Сары Лисон — и ничего более.

Едва ли нашлись два человека, которые сошлись бы в мнении о Саре. Так трудно было решить — телесная или душевная мука сразила ее? Та или иная, свои следы она оставила. У Сары были бледные впалые щеки, а изящно очерченные ее губы болезненно побледнели; большие черные глаза, напрасно обрамленные густыми ресницами, словно застыли: диким пустым и жалостливым был их взгляд. Впрочем, и сильная грусть, и тяжелая болезнь оставляют на людях такие же следы. Единственная же особенность недуга Сары состояла в противоестественной перемене цвета ее волос: они были густыми, мягкими и волнистыми, как волосы молодой девушки, но седыми, как у старухи, и странно противоречили ее юному лицу. Несмотря на всю болезненность и бледность, никто не мог бы сказать, что это лицо старухи: на бледных щеках не было ни морщинки, а глаза, пусть тревожные и робкие, светились изнутри, чего не увидишь у стариков. Даже кожа на висках была гладкой, как у ребенка.

Эти естественные признаки свидетельствовали, что для нее только еще прошла весна: она была жен-

щиной лет тридцати, но, без сомнения, ее седые волосы были недоразумением, и она бы больше подходила сама себе, если бы волосы были выкрашены. В ее случае искусственность была бы естественнее природного, потому как природное казалось неестественным. Каким морозом побило эти роскошно завитые кудри? Смертельная болезнь или ужасное горе подернули их инеем? Эти вопросы не раз возникали в голове капитанских слуг, пораженных странностью ее наружности, да еще тем, что у нее была закоренелая привычка — она говорила сама с собой. Но любопытство их не было удовлетворено ни разу: они не узнали ничего, кроме того, что Сара Лисон злилась, если заговаривали о ее седых волосах и о привычке говорить с самой собой, и к тому же сама госпожа запретила всем, даже собственному мужу, беспокоить Сару какими бы то ни было распросами.

В замечательное утро двадцать третьего августа Сара стояла, словно немая, перед призывавшим ее слугой: свеча озарила ее ясные большие неподвижные черные глаза, а над ними — густые, неестественно седые кудри. Мгновение простояла она молча. Ее рука дрожала так, что гасильник чуть не соскакивал со свечки, но это было лишь на мгновение: Сара опомнилась и поблагодарила мальчика, позвавшего ее к смертному одру госпожи. Смущение и боязнь, звучащие в ее голосе, кажется, придавали ему еще больше мягкости, а торопливость ее движений несколько не уменьшила их обычного изящества, благородства и женственности.

Мэттью, как и другие слуги, втайне не доверял Саре и не любил ее за то, что, по его мнению, она не была похожа на остальных горничных. Она покачала головой, поблагодарила его еще раз и быстро прошла

мимо по галерее. Спальня умирающей миссис Тревертон была этажом ниже. Сара в нерешимости остановилась перед дверью, наконец постучалась, и дверь была отворена капитаном Тревертоном.

Взглянув на своего господина, Сара отшатнулась в таком ужасе, словно ей грозил смертельный удар. Впрочем, в лице капитана Тревертона не было жестких черт: с первого взгляда можно было смело сказать, что этот человек ласков, сердечен и откровенен. На глазах его еще блестели слезы, вызванные страданиями любимой жены.

— Войдите, — сказал он, отвернувшись. — Она не хочет видеть сиделку: ей нужны только вы. Позовите меня, если доктор... — голос его сорвался, и он поспешно вышел, не договорив.

Сара Лисон, вместо того чтобы войти в комнату своей госпожи, обернулась, пристально посмотрела вслед капитану, пока он не пропал из виду — щеки ее побледнели, как у мертвой, а в глазах мерцали сомнение и ужас. Когда капитан скрылся за поворотом галереи, Сара прислушалась у дверей спальни, боязливо прошептав: «Неужели она ему сказала?» Потом отворила дверь, сделав усилие над собою, на мгновение замерла на пороге и наконец вошла.

Спальня миссис Тревертон — просторная комната с высоким потолком, выходила окнами на западный фасад дома и, стало быть, на море. Лампа, стоявшая возле постели, скорее подчеркивала, чем разгоняла мрак, сгустившийся по углам. Старинная постель была по кругу завешена тяжелыми драпировками. Из других предметов мебели бросались в глаза лишь самые массивные — шифоньеры, гардеробный шкаф, высокое трюмо, кресла с высокой спинкой и, наконец, безобразная масса кровати выступали

из темноты, пока все остальные предметы погружены были во мрак. В открытое окно, отворенное для проветривания после удушливой августовской ночи, долетали в комнату глухие и отдаленные всплески волн о песчаный берег. Всякий остальной шум смолк в этот первый час нового дня. В самой комнате слышалось только тихое тяжелое дыхание умирающей женщины: эти слабые, предсмертные звуки были отчетливы и ясны даже на фоне громового дыхания самого моря.

— Госпожа, — сказала Сара Лисон, подойдя к балдахину, но не поднимая его, — ваш супруг вышел из комнаты и оставил меня вместо себя.

— Огня! Дайте мне огня! — смертельная слабость звучала в голосе, но вместе с ней звучала и решимость, вдвойне заметная по сравнению с дрожащим голосом Сары. Сильная природа госпожи и слабый дух горничной выказались сразу в этих немногих словах, проговоренных сквозь занавес смертного одра.

Сара дрожащей рукой зажгла две свечи, осторожно поставила их на стол возле постели, робко оглянулась, а потом нерешительно приподняла занавески.

Недуг, от которого умирала миссис Тревертон, был одним из самых страшных недугов, поражающих человеческий род, и преимущественно женщин: он вытягивает жизнь, не оставляя на лице больного никаких признаков. Неопытный человек, взглянув на миссис Тревертон в то время, как ее горничная приподняла занавески, вероятно подумал бы, что больная получила облегчение. Легкие следы болезни на ее лице и неизбежная перемена в его очертании были едва заметны: так чудно сохранило это лицо весь блеск и нежность, все сияние девственной красоты.

На подушке покоилась голова, нежно окаймленная богатыми оборками чепца, увенчанная сверкающими черными волосами; по лицу красавицы невозможно было понять, она или только оправилась от легкой болезни, или просто устала и отдыхает. Сама Сара Лисон, не отходявшая от госпожи во все время ее болезни, взглянув в эту минуту на миссис Тревертон, с трудом могла поверить, что за этой женщиной уже затворились врата жизни и что смерть беспощадною рукой уже манит ее к вратам гроба.

Несколько потрепанных книг в бумажных обертках лежало на одеяле: когда Сара приподняла балдахин, миссис Тревертон приказала убрать их. Это были театральные пьесы, в некоторых местах подчеркнутые чернилами, с выносками на полях и с отметками сценических входов, выходов и положений. Слуги, разговаривавшие на кухне о занятиях их госпожи до замужества, не ошиблись: капитан, пережив первую пору юности, действительно взял себе жену с бедных подмостков провинциального театра два года спустя после ее первого дебюта. Старые пьесы составляли некогда всю ее драгоценную драматическую библиотеку и всегда, как добрые старые знакомые, были предметом ее нежного попечения, а в последнее время болезни она не выпускала их из рук.

Отложив книги, Сара воротилась к своей госпоже. Ее лицо выражало не печаль, а какой-то дикий ужас: горничная хотела что-то сказать, но миссис Тревертон взяла ее за руку.

— Запри двери, — сказала она тем же слабым, но решительным голосом. — Запри двери и не впускай никого, пока я тебя не отпущу.

— Никого? — повторила робко Сара. — Даже доктора? Даже вашего супруга?

— Ни доктора, ни даже мужа, — проговорила миссис Тревертон, указывая на дверь. Рука ее была слаба, но и в слабом ее движении чувствовалась власть.

Сара заперла дверь, робко вернулась к постели и вопросительно подняла большие неподвижные глаза на свою госпожу и вдруг, нагнувшись к ней, прошептала:

— Вы сказали мистеру Тревертону?

— Нет, — ответила больная. — Я позвала его, чтобы сказать, но слова не сходили с моих губ. Меня поразила в самое сердце, Сара, одна мысль о том, как бы лучше рассказать ему... я так люблю, так нежно люблю его!.. И все-таки я бы могла сказать ему, если бы он не заговорил о ребенке. Сара! Он только и говорит, что об этом ребенке: это и заставило меня молчать.

Сара при первом же слове госпожи самозабвенно упала в кресло, закрыла лицо дрожащими руками и простонала: «О, что будет! Что теперь будет!»

Глаза миссис Тревертон заблестели мягко и нежно, когда она стала говорить о любви к мужу. Несколько минут она лежала молча. По ее шумному затрудненному дыханию, по болезненно сдвинутым бровям было видно, что ею овладело сильное волнение. С трудом она повернула голову к креслу, на котором сидела ее горничная, и еле слышно прошептала:

— Подай мне мое лекарство, — сказала она. — Оно мне нужно.

Сара, привыкшая быстро слушаться, тут же вскочила и отерла катившиеся по щекам слезы.

— Вам нужен доктор, — заметила она. — Позвольте, я позову доктора.

— Нет! Лекарства. Дай мне лекарства!

— Какую склянку? С опиатом или...

— Нет. Не с опиатом. Другую.

Сара взяла со столика склянку, посмотрела на этикетку и заметила, что это лекарство принимать еще рано.

— Дай же мне пузырек.

— Ради бога, не просите! Подождите, умоляю вас. Доктор сказал, что это лекарство хуже, чем дурман, если часто принимать.

Ясные глубокие серые глаза миссис Тревертон вспыхнули. Яркий румянец окрасил ее щеки, рука с усилием, но повелительно протянулась к Саре.

— Откупорь пузырек и подай мне, — сказала она. — Мне нужны силы. Какая разница, умру ли я через час или через неделю. Дай мне скорее чертов пузырек.

— Зачем же вам весь пузырек? — Сара все же подчинилась воле госпожи и подала его. — Тут на два приема. Подождите: я принесу рюмку.

Она снова подошла к столу. В это же мгновение миссис Тревертон поднесла пузырек к губам, выпила все, что в нем было, и отбросила его прочь.

— Она убила себя! — вскрикнула Сара и в ужасе кинулась к двери.

— Постой, — произнес с постели голос еще более решительный, чем прежде. — Постой. Вернись и приподними меня повыше на подушках.

Сара схватилась за дверную ручку.

— Вернись, — повторила миссис Тревертон. — Пока я жива, ты должна меня слушаться. Вернись.

Румянец ярче разливался по ее лицу, и ярче блестили ее глаза. Сара вернулась и дрожащими руками подложила еще подушку к тем, которые поддерживали голову и плечи умирающей женщины. Простыня и одеяло несколько съехали — миссис Тревертон судорожно поправила их и опять укуталась по самую шею.

— Ты не отперла замок? — спросила она.

— Нет.

— Я запрещаю тебе подходить близко к двери. Поддай мне портфель, перо и чернила из бюро, там, у окошка.

Сара подошла к бюро и открыла его, но вдруг замешкалась, как будто сомневаясь: она спросила — какие именно письменные приборы нужно подать?

— Принеси портфель и увидишь.

Портфель, а на нем лист бумаги были положены на колени миссис Тревертон, перо было обмокнуто в чернила и дано прямо ей в руки. С минуту она сидела неподвижно, закрыв глаза, и тяжело дышала, а потом принялась писать, проговаривая вслух по мере того, как поднималось перо: «Смотри». Сара тоскливо глянула через плечо своей госпожи и увидела, как перо медленно и слабо провело первые два слова: *«Моему мужу»*.

— О, нет, нет! Не пишите этого! — вскрикнула она и схватила свою госпожу за руку, но когда миссис Тревертон бросила на нее тяжелый взгляд, тут же отпустила.

Перо продолжало двигаться — медленнее и слабее — вывело целую строчку и остановилось — буквы последнего слова слились вместе.

— Ради бога! — повторила Сара, падая на колени возле постели. — Не пишите ему этого, если не смогли сказать на словах. Позвольте мне скрыть это до конца. Пусть тайна умрет с вами и со мною — об этом никто на свете не узнает. Никогда, никогда, никогда!

— Тайна должна быть открыта, — отвечала миссис Тревертон. — Мой муж должен был ее знать, и он узнает. Я ведь решилась сказать ему, но у меня

не хватило смелости. Я не могу тебе этого доверить: я знаю, что после моей смерти ты ничего ему не скажешь. Надо написать, но мои руки совсем ослабли. Возьми перо и пиши с моих слов.

Сара, вместо того чтобы повиноваться, припала лицом к одеялу и горько зарыдала.

— Ты была со мной со дня моего замужества, — продолжала миссис Тревертон. — Ты была мне скорее подружкой, чем служанкой. Неужели ты откажешь мне в последней просьбе? Ты откажешь? Безумная. Подними же голову и послушай. Ты погибнешь, если откажешься. Пиши, или я не упокоюсь в своем гробу. Пиши, или — видит Бог — я приду к тебе с того света.

Сара вскрикнула и упала ей в ноги.

— У меня волосы дыбом встали! — прошептала она, глядя на свою госпожу с суеверным ужасом.

В это мгновение лишняя доза возбуждительного лекарства начала действовать на миссис Тревертон. Она беспокойно заметалась на подушке, продекламировала бессвязно несколько строчек какой-то пьесы, а потом вдруг театрально протянула своей горничной перо, бросив взгляд на воображаемую публику.

— Пиши! — крикнула она громким, наводящим ужас сценическим голосом. — Пиши! — И слабая рука поднялась опять давно забытым театральным движением.

Механически сжав пальцами вложенное в них перо, Сара, все с тем же выражением суеверного ужаса, ожидала дальнейшего приказа своей госпожи. Несколько минут прошло, прежде чем миссис Тревертон начала говорить. В ней оставалось еще довольно сознания, чтобы смутно следить за действием лекарства и противиться ему, пока оно окончательно